

УДК 34

DOI 10.34670/AR.2019.89.8.002

О роли конституционного правосудия в решении проблемы «мёртвых» юридических норм

Орлова Светлана Владимировна

Старший преподаватель,
кафедра теории и истории государства и права,
Сибирский федеральный университет,
660075, Российская Федерация, Красноярск, ул. Маерчака, 6;
e-mail: SvetlanaV.Orlova@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается значение актов Конституционного Суда РФ в решении проблемы «мертвых» правовых норм, не реализующихся на практике в силу несовершенств правотворческой и правоприменительной практики. В частности, проанализированы постановления по делам о проверке конституционности положений законодательства, которые не применяются вследствие наличия в них противоречий, пробелов или по причине искажения их смысла в процессе применения. На основе анализа практики установлено, что решения Конституционного Суда РФ способствуют реализации юридических правил, являющихся «мертвыми» в момент обращения заинтересованных субъектов с жалобами на нарушение их конституционных прав и свобод. Указанный результат достигается посредством исключения из правового пространства норм права, которые противоречат Конституции РФ и делают невозможным осуществление прав и свобод, формулирования в резолютивной части постановлений указаний органам государственной власти относительно необходимости изменения обжалуемых нормативных правовых актов, а также разъяснений относительно надлежащего порядка применения норм права с учетом их конституционно-правового смысла. Таким образом, конституционное правосудие выступает одним из действенных способов совершенствования законодательства на основе принципа уважения основных прав и свобод человека и гражданина.

Для цитирования в научных исследованиях

Орлова С.В. О роли конституционного правосудия в решении проблемы «мёртвых» юридических норм // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 8А. С. 19-29. DOI 10.34670/AR.2019.89.8.002

Ключевые слова

Конституционный Суд РФ, конституционное правосудие, «мертвые» юридические нормы, эффективность правового регулирования, конституционализация права.

Введение

«Мёртвые» правовые нормы представляют собой правила, которые не претворяются в жизнь в большинстве случаев, в которых они должны применяться на практике. В большинстве случаев причиной появления таких правил в нормативных правовых актах являются ошибки в правотворческой и правоприменительной деятельности. Таковыми являются, например, формулирование норм, противоречащих друг другу, вследствие чего одна из норм не применяется; формулирование непонятного правила, реализация которого невозможна по причине его неясности; искажение подлинного смысла нормы правоприменительной практикой, когда норма применяется не в том смысле, который был заложен в неё законодателем; отсутствие порядка реализации положения закона из-за непринятия правоприменительного акта, устанавливающего такой порядок [Дробышевский, 2018, 607-608]. Юридические правила, которые не осуществляются на практике, способны значительно снизить эффективность правового регулирования, затруднив или сделав невозможным достижение целей, поставленных законодателем. Отсюда следует необходимость выработки способов решения обозначенной проблемы.

Основная часть

Юридической теорией и практикой выработаны разнообразные способы предотвращения ошибок правотворчества и правоприменения и предупреждения неблагоприятных последствий их совершения. К ним, в частности, относятся экспертиза законопроектов, мониторинг правоприменительной практики [Семёновых, 2019, 766-767].

Необходимо также добавить, что важную роль в устранении «мёртвых» правовых норм играет деятельность Конституционного Суда РФ. Практика свидетельствует о том, что в его постановлениях могут быть решены проблемы, приводящие к появлению норм, не применяемых на практике.

Коллизия правовых норм, одна из которых в силу противоречия оказалась «мёртвой», была разрешена Конституционным Судом РФ в Постановлении от 19 ноября 2015 г. № 29-П по делу о проверке конституционности п. 1 ст. 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации». Указанное законодательное положение предусматривало, что «в страховой стаж включаются периоды работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись на территории России гражданами РФ, застрахованными в соответствии с Федеральным законом «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», при условии, что за эти периоды уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации». Это положение воспроизведено в ч. 1 ст. 11 действующего в настоящее время Федерального закона «О страховых пенсиях».

По смыслу приведённой нормы период отстранения лица от должности в связи с уголовным преследованием, не входит в страховой стаж, необходимый для назначения пенсии, причём даже в случаях их последующей реабилитации. Одновременно с этим согласно ч. 1 ст. 133 УПК РФ право на реабилитацию включает в себя не только право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда, но и восстановление в жилищных, трудовых, пенсионных и иных правах, а вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

Конституционный Суд РФ указал, что исключив возможность зачета в страховой стаж лица периода временного отстранения от должности (работы) в связи с уголовным преследованием, федеральный законодатель породил формальную несогласованность между положениями уголовно-процессуального закона и пенсионным законодательством, заведомо ведущую к невозможности реализации в полном объеме права на реабилитацию, предполагающего восстановление в пенсионных правах лиц, незаконно или необоснованно подвергшихся уголовному преследованию.

Оспариваемая норма была признана несоответствующей Конституции РФ. Тем самым обеспечена реализация конституционного права гражданина, которая была затруднена в силу наличия коллизии законодательных положений.

Ещё одна коллизия была устранена Конституционным Судом РФ в Определении от 27 июня 2000 г. № 92-О по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции РФ отдельных положений Конституций ряда Республик. Было выявлено противоречие между некоторыми положениями Конституций ряда республик в составе России и федеральной Конституцией.

В частности, в ч. 1 ст. 2 Конституции Республики Адыгея сказано, что «носителем суверенитета и источником власти в Республике является народ). Республика Башкортостан в ст. 1 её Конституции провозглашена суверенным государством, обладающим высшей властью на своей территории и самостоятельно определяющим свою внутреннюю и внешнюю политику. В Конституции Республики Ингушетия сказано, что Ингушетия является суверенным государством (ч. 2 ст. 1) и нормативные правовые акты РФ правомерны на территории Республики, только если они не противоречат её суверенным правам (ч. 2 ст. 7). Аналогичные положения содержатся в Конституциях Республик Северная Осетия (ч. 1 ст. 3) и Татарстан (ст. 1).

Конституционный Суд РФ указал, что «поскольку названные положения закрепляют суверенитет (государственный суверенитет) республики, принадлежность республике высшей (т.е. верховной) власти на своей территории, а также, устанавливая, что народ республики является носителем суверенитета и источником (единственным источником) власти в республике, исключают тем самым, что таким источником является многонациональный народ РФ, утрачивают силу и не подлежат применению судами, другими органами и должностными лицами, как не соответствующие Конституции РФ.

Проблема искажения подлинного смысла юридической нормы, из-за которого правовая норма в её подлинном смысле не применялась, была рассмотрена Конституционным Судом РФ в Постановлении от 12 марта 2001 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых арбитражным судом по делам о банкротстве.

Конституционный Суд РФ отметил, что в процессе реализации одной из основных целей Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", а именно обеспечения прав реальных и потенциальных кредиторов в делах о банкротстве, вместе с тем возникают и споры о праве (между кредиторами и должником - при наличии возражений последнего по требованиям кредиторов, налоговых и иных уполномоченных органов, а также между кредиторами и арбитражными управляющими). Они разрешаются судами в упрощённом процессуальном порядке, то есть выносимые по ним определения, не предусмотренные Арбитражным процессуальным кодексом РФ, не могут быть обжалованы, кроме случаев, когда

это прямо предусмотрено Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» (п. 3 ст. 55). Из такого понимания исходит сложившаяся правоприменительная практика, согласно которой не подлежат обжалованию определения суда об установлении размера денежных обязательств (ст. 46, 63, 75, 114 и 160), вынесенные по результатам рассмотрения заявлений арбитражных управляющих и жалоб кредиторов, а также по разногласиям между арбитражным управляющим и представителем работников должника (п. 1 и 2 ст. 55); о сокращении или продлении срока внешнего управления на шесть месяцев (п. 5 ст. 68); о продлении конкурсного производства в пределах шести месяцев (п. 2 ст. 97); о завершении конкурсного производства (п. 1 ст. 119). Соответствующие разъяснения были даны Высшим Арбитражным Судом РФ в Письме от 6 августа 1999 года № 43. В связи с этим граждане и юридические лица - заявители по данному делу - оспаривали конституционность п. 3 ст. 55 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», которым, по их мнению, во взаимосвязи с положениями п. 4 ст. 46, п. 1 ст. 55, п. 4 ст. 63 и п. 5 ст. 75 того же Федерального закона исключается судебная проверка по жалобам на определения арбитражного суда, вынесенные по результатам рассмотрения разногласий между кредиторами и должниками, кредиторами и арбитражными управляющими, хотя бы еще одной судебной инстанцией с целью исправления возможной судебной ошибки, чем нарушаются ст. 46 (ч. 1 и 2) и ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 3 февраля 1998 г. № 5-П сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой право на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) относится к основным правам и не может быть ограничено. При этом отсутствие возможности пересмотра ошибочного судебного акта нарушает указанное право. Изложенная правовая позиция, как имеющая общий характер, была распространена на все виды судопроизводства, как указано в Постановлении от 28 мая 1999 г. № 9-П, поэтому данные выводы Конституционного Суда РФ оказались в полной мере применимыми при рассмотрении арбитражными судами дел о банкротстве.

Последствия введения наблюдения, такие как, например, запрет на реорганизацию и ликвидацию должника, создание юридических лиц, филиалов, представительств, выплату дивидендов, размещение ценных бумаг и т.д., существенно ограничивают дееспособность предприятия, поэтому необоснованное введение наблюдения может повлечь для него крупные убытки. Между тем, как указал Конституционный Суд РФ, действующий порядок возбуждения производства по делам о банкротстве не предоставляет должнику надлежащих процессуальных гарантий того, что определение арбитражного суда о принятии заявления о признании должника банкротом и, следовательно, введение наблюдения будет обоснованным и правомерным: такое решение выносится в условиях несоблюдения общеправового принципа *audi alteram partem* (выслушать обе стороны) и отсутствия процессуально - правовых гарантий для реализации права на справедливое и публичное разбирательство дела (п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). В частности, хотя Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрено представление в арбитражный суд отзыва должника на заявление о признании должника банкротом, однако отзыв и возражения по требованиям заявителя направляются в арбитражный суд уже после возбуждения производства по делу о банкротстве, т.е. после введения наблюдения (п. 2 ст. 41 и п. 1 и 2 ст. 45). Кроме того, законодательство не предусматривает возможности обжаловать решение о введении наблюдения в вышестоящую судебную инстанцию. «Результат такого регулирования – отсутствие эффективного судебного контроля за данной процедурой банкротства. При наличии формальных требований, определенных в п. 2 ст. 5 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»,

арбитражный суд лишен возможности проверить обоснованность и реальность требований к должнику, и, таким образом, наблюдение вводится автоматически. Между тем в силу принципа самостоятельности судебной власти (ст. 10 Конституции РФ) законодатель не вправе лишать суд необходимых для осуществления правосудия дискреционных полномочий.

В силу изложенного рассмотренный порядок введения наблюдения противоречит ст. 46 и ст. 123 Конституции РФ, поскольку не предусматривает право должника обжаловать определение о принятии заявления о признании должника банкротом, которым в отношении него вводится наблюдение. По этой причине ст. 56 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» была признана несоответствующей Конституции РФ.

Как указал Конституционный Суд РФ, для приведения действующего порядка возбуждения производства по делам о банкротстве в соответствие с Конституцией РФ необходимо нормативное закрепление как права должника обжаловать в вышестоящую судебную инстанцию определение о принятии заявления о признании должника банкротом, так и возможности представить суду (судье) в той или иной процессуальной форме свои разъяснения и возражения по требованиям заявителя до принятия арбитражным судом решения о введении наблюдения. Исключения могут составлять, в частности, ситуации, когда должник скрывается от кредиторов или местонахождение его неизвестно. До внесения федеральным законодателем необходимых изменений и дополнений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» арбитражные суды на основании формальной проверки заявления о признании должника банкротом и представленных в соответствии с требованиями названного Федерального закона документов вправе вынести определение о принятии данного заявления; вопрос же о введении наблюдения должен решаться после получения от должника разъяснений и возражений на заявление и оформляться отдельным определением.

Проблема отсутствия порядка реализации норм права, блокировавшая их реализацию, была рассмотрена Конституционным Судом РФ в Постановлении от 14 апреля 2008 г. № 7-П по делу о проверке конституционности абзаца второй статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан.

Названный Федеральный закон определяет садовый земельный участок как земельный участок, предоставленный гражданину или приобретенный им для выращивания плодовых, ягодных, овощных, бахчевых или иных сельскохозяйственных культур и картофеля, а также для отдыха (с правом возведения жилого строения без права регистрации проживания в нем и хозяйственных строений и сооружений) (абз. 2 ст. 1).

Несколько граждан обратились в Конституционный Суд РФ с просьбой признать это положение не соответствующим Конституции РФ, поскольку суды общей юрисдикции отказали в удовлетворении их требований о признании неправомерным отказа Управления Федеральной миграционной службы по Краснодарскому краю в регистрации по месту жительства в жилых строениях, возведенных на принадлежащих им садовых земельных участках.

Заявители постоянно проживали в доме, расположенном на участке в садоводческом товариществе. Право собственности на указанное жилое строение было оформлено надлежащим образом. По утверждению заявителей, это строение являлось для них единственно возможным местом жительства. Отсутствие же регистрации по месту жительства лишает их возможности реализовать свое конституционное право на социальное обеспечение, включая медицинскую помощь по договорам обязательного медицинского страхования, и пользоваться предоставленными им льготами.

Конституционный Суд РФ отметил, что правоприменительные органы признают возможность регистрации граждан только в жилых домах, отказывая в регистрации в жилых строениях. Между тем Закон РФ «Об основах федеральной жилищной политики», предусматривавший право граждан, имеющих в собственности жилые строения, которые расположены на садовых земельных участках и отвечают требованиям нормативов, предъявляемых к жилым помещениям, переоформить их в качестве жилых домов с приусадебными участками на праве частной собственности, утратил силу. Отсутствуют соответствующие нормативные положения и на уровне субъектов РФ и муниципальных образований. При таких обстоятельствах абз. 2 ст. 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» представляет собой формально-юридическое препятствие для осуществления права на регистрацию в названных помещениях.

Также было указано, что Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ» не связывает право на регистрацию по месту жительства ни с определенным имущественным правом на конкретное жилое строение, ни с определенным целевым назначением земельного участка, на котором оно возведено. Кроме того, в силу Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» дачные земельные участки, так же как и садовые земельные участки, предоставляются гражданам или приобретаются в целях отдыха, однако при этом не исключается возможность возведения на дачном земельном участке не только жилого строения без права регистрации проживания в нем, но и жилого дома с правом регистрации проживания в нем (абз. 4 ст. 1). С учетом изменения правового статуса садовых домиков, отражающего изменение их потребительского назначения в связи с отменой жестких нормативов в отношении возводимых жилых строений и означающего возможность постоянного проживания в них, норма абз. 2 ст. 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан», не предусматривающая в отличие от нормы абз. 4 той же статьи право регистрации проживания в жилом доме, каковым фактически может являться жилое строение, расположенное на садовом земельном участке, т.е. вводящая дифференциацию граждан по признаку членства в садоводческом или дачном некоммерческом объединении, равно определяемых названным Федеральным законом как некоммерческие организации, учрежденные гражданами на добровольных началах для содействия ее членам в решении общих социально-хозяйственных задач ведения садоводства и дачного хозяйства, противоречит конституционному принципу равенства. Кроме того, было отмечено, что оспариваемая норма препятствует реализации конституционного права на выбор места жительства. В связи с этим рассматриваемая норма была признана несоответствующей Конституции РФ.

Приведённые примеры из практики Конституционного Суда РФ демонстрируют устранение из правового пространства «мёртвых» юридических норм, явившихся следствием правотворческих и правоприменительных ошибок. Однако этим возможности конституционного правосудия не ограничиваются.

Ранее было указано, что «мёртвые» юридические нормы могут быть неумышленными и умышленными. Умышленные недействующие правила могут быть введены суверенной властью для обеспечения жизненно важных интересов государства. Об этом писал немецкий юрист XIX в. Р. Иеринг. «Право не служит само себе целью, а лишь средством к достижению цели. Конечной целью как государства, так и права должно быть установление и гарантия жизненных

условий общества», ибо право существует для общества, а не общество для права. Поэтому там, где... обстоятельства требуют, чтобы государственная власть пожертвовала или правом, или обществом, она не только уполномочена, но и обязана пожертвовать правом и спасти общество». Иначе и быть не может, поскольку «выше всякого отдельного закона, нарушаемого в таком случае, стоит всеобщий и высший закон сохранения общества» [Дробышевский, 2018, 261].

Вместе с тем возможна и другая ситуация. Американский юрист второй половины XX в. Л.Л. Фуллер охарактеризовал её как «террористический политический режим в условиях формального сохранения институтов демократии» [Дробышевский, 2018, 627]. Речь идёт о следующей ситуации. «В государстве, где последняя существовала и юридически, и фактически, на деле она может быть разрушена без отмены или изменения действующей здесь конституции и основных конкретизирующих ее правовых норм, а также без замены персонала невыборных должностных лиц исполнительной и судебной властей. Подобная ситуация способна сложиться в обстановке углубляющейся депрессии материального производства и «увеличивающегося антагонизма между различными фракционными группами, сформированными по экономическим, политическим и религиозным линиям», при победе на президентских и парламентских выборах представителей политической организации со вполне определенной идейной платформой» [Дробышевский, 2018, 627].

Решению обозначенной проблемы также может и должна содействовать деятельность органов конституционного правосудия. Ведь гражданин может обратиться с заявлением о проверке соответствия Конституции той или иной нормы и в том случае, если посредством правотворчества властью умышленно созданы препятствия для реализации конституционных прав. Такого рода ситуации охарактеризовал С.А. Денисов. Так, один из вариантов «нейтрализации норм права с помощью «ущербных» юридических конструкций имеет место тогда, когда «для реализации материальной нормы права необходимо установить процессуальный порядок её реализации», однако «законодатель может уклониться от создания этой юридической конструкции» [Денисов, 2013, 222]. Другой путь «нейтрализации норм права заключается в создании таких юридических конструкций, структурные элементы которых затрудняют реализацию нормы права или полностью блокируют её действие» [Денисов, 2013, 223].

Значение конституционного судопроизводства в процессе совершенствования правотворчества и правоприменения неоспоримо. Одновременно с этим нельзя не согласиться с мнением, высказанным ещё австро-венгерским юристом первой половины XX в. Е. Эрлихом, о том, что надлежащее правовое регулирование должно обеспечиваться не только и не столько за счёт деятельности судов, сколько посредством принуждения. В частности, он писал, что «если законодательному акту подчиняются только там, где органы государства принуждают народ так поступать, то достигнуто не намного больше, чем шумный скрип официальной мельницы» [Дробышевский, 2018, 397].

Поэтому необходимо предотвращение появления «мёртвых» норм права, вызванных ошибками или иными несовершенствами правотворческой и правоприменительной практики. Однако в основе предотвращения рассматриваемых нежелательных явления должны лежать положения Конституции РФ.

Т.А. Васильева процесс совершенствования правотворчества на основе принципов верховенства Конституции РФ и уважения конституционных прав и свобод граждан именуется конституционализацией. «Конституционализация национального права традиционно

трактовалась как регламентация все более широкого круга прав и институтов на уровне учредительного акта, расширение предмета конституционного регулирования. Вместе с тем в настоящее время это словосочетание все чаще используется в несколько ином значении – как процесс насыщения, пропитывания права конституционными принципами и ценностями» [Васильева, 2017, 93]. При этом «учредительные акты превращаются в источник легитимации власти политической власти и высшее измерение законности» [Васильева, 2017, 94]. Отсюда вытекает и критерий эффективности нормативных актов: «исходя из новой трактовки конституционализации эффективным может быть признано только то законодательство, которое не вступает в противоречие с конституционными ценностями и способствует их осуществлению» [Васильева, 2017, 94].

Ещё один способ предотвращения «мёртвых» норм права указывает М.В. Баглай. Он «подчеркивает важность экспертизы, определяя ее как одну из основных функций комиссий и комитетов, благотворное влияние экспертизы на законотворческий процесс путем совершенствования нормативных актов и выделяет экспертизу поправок к законопроекту как проверку их конституционности» [Баглай, 2017, 511; Храмова, 2019, 785].

Несомненно, большое значение имеет и участие граждан в правотворческом процессе. Имеется в виду общественный контроль при принятии новых юридических правил. По словам Т.Н. Москальковой, в России «следует создать правовую базу для подготовки законопроектов», нужно расширить практику регулярного вынесения на обсуждение общественности проектов основных правовых нормативных актов «путём их опубликования в специальном печатном органе» [Москалькова, 2019, www].

Заключение

Реализация принципа верховенства Конституции РФ выступает одним из способов предотвращения ошибок правотворчества и правоприменения, влекущих появление «мёртвых» норм права, а также устранения из правового пространства уже имеющих место недействующих правил. Осуществление гражданами права участвовать в законотворческом процесс посредством общественной оценки законопроектов позволяет избегать принятия норм, противоречащих интересам общества. В тех же случаях, когда норма не реализуется вследствие ошибки или произвола органов государственной власти, граждане имеют возможность решения проблемы посредством обращения в Конституционный Суд РФ.

Библиография

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма, 2017. 768 с.
2. Васильева Т.А. Конституционализация права как средство обеспечения эффективности правового регулирования // под общ. ред. А.В. Полякова, В.В. Денисенко, М.А. Беляева. – М.: Проспект, 2017. С. 92-105.
3. Денисов С.А. Юридические конструкции, используемые для реализации норм права // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 222-229.
4. Дробышевский С.А. История политических и правовых учений: основные классические идеи. М.: Норма, 2018. 688 с.
5. Москалькова Т.Н. Законотворческие ошибки: понятие, виды и пути противодействия // Информационно-правовой портал «Закония». URL: <https://www.zakonia.ru/site/131477/1649> (дата обращения: 06.09.2019)
6. Письмо Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 августа 1999 года N 43 "Вопросы применения Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в судебной практике" // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
7. По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан” в связи с жалобами ряда граждан:

- Постановление от 14 апреля 2008 г. N 7-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
8. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.К. Шматкова: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2015 г. N 29-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
 9. По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, касающихся возможности обжалования определений, выносимых арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций”, а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц: Постановление от 12 марта 2001 г. N 4-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
 10. По делу о проверке конституционности статей 180, 181, пункта 3 части 1 статьи 187 и статьи 192 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 3 февраля 1998 г. N 5-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
 11. По делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е.А. Арбузовой, О.Б. Колегова, А.Д. Кутырева, Р.Т. Насибулина и В.И. Ткачука: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 мая 1999 г. N 9-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
 12. По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституции Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия-Алания и Республики Татарстан: Определение от 27 июня 2000 г. N 92-О // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
 13. Семёновых А.Н. Нормотворческие ошибки как значимый фактор правоприменительного риска // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 766-767.
 14. Храмова Д.Р. Экспертиза законопроекта – способ снижения технико-юридических рисков // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 784-786.

On the role of the constitutional trial in solving the problem of “dead” legal norms

Svetlana V. Orlova

Senior lecturer,
Department of theory and history of state and law,
Siberian Federal University,
660075, 6, Mayerchak st., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: SvetlanaV.Orlova@gmail.com

Abstract

The article considers the Constitutional Court’s practice of solving the problem of ‘dead’ legal norms which are not realized in social relations. The basis of the analysis includes the resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the number of cases on test of some statements of the national legislature for constitutionality when they are not realized because content collisions, distortion of a legal norm’s meaning, absence of the order of a norm’s realization. The court acts demonstrate that the constitutional trial is one of possible ways of improvement legal regulation of social relations when ‘dead’ norms obstruct it. Addressing a complaint in the Constitutional Court, citizens can protect their fundamental rights and freedoms which are violated by unrealized legal norms. The Constitutional Court’s practice is also an effective mechanism of improvement of the national legislation on the basis of the principle of respect for fundamental human rights and freedoms.

For citation

Orlova S.V. (2019) O roli konstitucionnogo pravosudiya v reshenii problemy «mertvykh» yuridicheskikh norm [On the role of the constitutional trial in solving the problem of “dead” legal norms]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (8A), pp. 19-29. DOI 10.34670/AR.2019.89.8.002

Keywords

Constitutional Court, constitutional trial, ‘dead’ legal norms, effectiveness of legal regulation, constitutionalization of law.

References

1. (2017) Baglaj M.V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii [The Constitutional law of the Russian Federation]. M.: Norma, 768 s.
2. (2017) Vasil'eva T.A. Konstitucionalizaciya prava kak sredstvo obespecheniya effektivnosti pravovogo regulirovaniya [Constitutionalization of law as means of ensuring effectiveness of legal regulation] // pod obshch. red. A.V. Polyakova, V.V. Denisenko, M.A. Belyaeva. – M.: Prospekt, p. 92-105.
3. Denisov S.A. (2013) Yuridicheskie konstrukcii, ispol'zuemye dlya realizacii norm prava [The legal constructions used for realization of legal norms] // Yuridicheskaya tekhnika [Juridical Techniques]. № 7 (ch. 2). p. 222-229.
4. (2018) Drobyshevskij S.A. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij: osnovnye klassicheskie idei [The history of political and legal doctrines: the basic classic ideas]. M.: Norma, 688 p.
5. Moskal'kova T.N. Zakonotvorcheskie oshibki: ponyatie, vidy i puti protivodejstviya [Law-making mistakes: concept, types, and methods of opposition] // Informacionno-pravovoj portal «Zakoniya». [Legal information portal ‘Zakonia’]. URL: <https://www.zakonia.ru/site/131477/1649> (accessed 06/09/2019).
6. Pis'mo Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 6 avgusta 1999 goda N 43 "Voprosy primeneniya Federal'nogo zakona "O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)" v sudebnoj praktike" // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus». [Letter of the Supreme Arbitration Court ‘Issues of enforcement of the Federal law “On insolvency (bankruptcy)” (August 6, 1999 N 43) in the court practice’ // Reference system ‘ConsultantPlus’].
7. Po delu o proverke konstitucionnosti abzaca vtorogo stat'i 1 Federal'nogo zakona “O sadovodcheskikh, ogorodnicheskikh i dachnykh nekommercheskikh ob"edineniyah grazhdan” v svyazi s zhalobami ryada grazhdan: Postanovlenie ot 14 aprelya 2008 g. N 7-P // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus». [On the case of the test of paragraph 2 of article 1 of the Federal law ‘On Concerning Horticultural, Market-Gardening and Dacha Non-Commercial Associations of Citizens’ on constitutionality in connection with complaints of the number of citizens: the Constitutional Court resolution (April 14, 2008, N 7-p) // Reference system ‘ConsultantPlus’].
8. Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 stat'i 10 Federal'nogo zakona «O trudovykh pensiyah v Rossijskoj Federacii» v svyazi s zhaloboj grazhdanina N.K. SHmatkova: Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19 noyabrya 2015 g. N 29-P // SPS «Konsul'tantPlyus» [On the case of the test of item 1 of article 10 of the Federal law ‘On Labour Pensions in the Russian Federation’ on constitutionality in connection with N.K. Shmatkov’s complaint: the Constitutional Court resolution (November 19, 2015, N 29-p) // Reference system ‘ConsultantPlus’].
9. Po delu o proverke konstitucionnosti ryada polozhenij Federal'nogo zakona “O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)”, kasayushchihsvyaznozhnosti obzhalovaniya opredelenij, vynosimyh arbitrazhnym sudom po delam o bankrotstve, inyh ego polozhenij, stat'i 49 Federal'nogo zakona “O nesostoyatel'nosti (bankrotstve) kreditnykh organizacij”, a takzhe statej 106, 160, 179 i 191 Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom arbitrazhnogo suda CHelyabinskoy oblasti, zhalobami grazhdan i yuridicheskikh lic: Postanovlenie ot 12 marta 2001 g. N 4-P // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» [On the case of the test of the number of statements of the Federal law ‘On insolvency (bankruptcy), concerning the right to appeal of arbitration court rulings on the cases on bankruptcy, its other statements, article 49 of the Federal law ‘On insolvency (bankruptcy) of the credit companies’, and articles 106, 160, 179, and 191 of the Arbitration Code of the Russian Federation in connection with the inquiry of the arbitration court of Chelyabinsk region, and the complaints of citizens and legal entities’ on constitutionality: the Constitutional Court resolution (March 12, 2001, N 4-p) // Reference system ‘ConsultantPlus’].
10. Po delu o proverke konstitucionnosti statej 180, 181, punkta 3 chasti 1 stat'i 187 i stat'i 192 Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 3 fevralya 1998 g. N 5-P // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» [On the case of the check of articles 180, 181, item 3 of part 1 of article 187 and article 192 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation on the constitutionality: the Constitutional Court resolution (February 3, 1998 N 5-p) // Reference system ‘ConsultantPlus’].

11. Po delu o proverke konstitucionnosti chasti vtoroj stat'i 266 i punkta 3 chasti pervoj stat'i 267 Kodeksa RSFSR ob administrativnyh pravonarusheniyah v svyazi s zhalobami grazhdan E.A. Arbuzovoj, O.B. Kolegova, A.D. Kutyreva, R.T. Nasibulina i V.I. Tkachuka: Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28 maya 1999 g. N 9-P // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» [On the case of the check of part 2 of article 266 and item 3 of part 1 of article 267 of the Administrative Offences Code of the RSFSR on constitutionality in connection with the citizens' complaints (E.A. Arbuzova, O.B. Collegova, A.D. Kutyreva, R.T. Nasibulina, V.I. Tkachuk): the Constitutional Court resolution (May 28, 1999, N 9-p) // Reference system 'ConsultantPlus'].
12. Po zaprosu gruppy deputatov Gosudarstvennoj Dumy o proverke sootvetstviya Konstitucii Rossijskoj Federacii ot del'nyh polozhenij Konstitucii Respubliki Adygeya, Respubliki Bashkortostan, Respubliki Ingushetiya, Respubliki Komi, Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya i Respubliki Tatarstan: Opredelenie ot 27 iyunya 2000 g. N 92-O // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» [In connection with the inquiry of the group of deputies of the State Duma of the Russian Federation on the check some statements of the Constitutions of the Republic of Adygeya, the Republic of Bashkortostan, the Republic of Ingushetiya, the Republic of Komi, the Republic of North Ossetia-Alania, and the Republic of Tatarstan on constitutionality: the Constitutional Court ruling (June 27, 2000, N 92-O) // Reference system 'ConsultantPlus'].
13. Semyonovyh A.N. Normotvorcheskie oshibki kak znachimyj faktor pravoprimenitel'nogo riska [Law-making mistakes as the important factor of law enforcement risk] // Yuridicheskaya tekhnika [Juridical Techniques]. 2019. № 13. S. 766-767.
14. Hramova D.R. Ekspertiza zakonoproekta – sposob snizheniya tekhniko-yuridicheskikh riskov [The expertise of a draft law – the instrument of the legal technical risk-reduction] // Yuridicheskaya tekhnika [Juridical Techniques]. 2019. № 13. S. 784-786.